

БЕЗ ПЕРЕВОДА

Этничный театр на «Маске Плюс»

Кристина Матвиенко. Фото: АНО «Фестиваль «Золотая Маска»

Пять спектаклей, вошедших в блок «Этничный театр» внеконкурсной программы «Маска Плюс» в рамках фестиваля «Золотая Маска», — капля в море для российских просторов.

«Дом. Эрос. Вера»

Х

орошего, интересного, современного театра, играющего на родном языке, внимательного к локальному контексту, много больше – и удивительнейшим образом он живёт своей особой жизнью, не пересекаясь с мейнстримом. Точно так же в нашей стране, не пересекаясь, живут разные конфессии, культурно-этнические группы, языки, обычаи и убеждения. Именно такое не-пересечение, а не труднодостижимая толерантность, как ни странно, позволяет поддерживать хрупкий мир между ними – об этом с горечью говорил куратор Андрей Ерофеев, на своей практике столкнувшийся с яркой нетерпимостью ортодоксальных верующих и примкнувших к ним «православных» националистов в ходе скандала вокруг выставки «Запрещённое ис-

«Гузи да Мези»

кусство» 2006 года. Разные дороги не пересекаются – разве что в острых точках столкновений и внезапной ярости, с которой сталкиваются жертвы национализма в больших городах.

Собранная в рамках «Маски» лаконичная программа даёт возможность поговорить о так называемом культурном разнообразии, о cultural diversity, идея которого казалась вполне спасительной для европейского сообщества ещё несколько лет назад, но подвергается серьёзным испытаниям сегодня. Театр ведь всё больше двигается в сторону пространства для коммуникации, для открытого диалога, а не для выставки искусства или развлечений. И как раз этнический театр помогает сохранить исчезающий язык, традиции, ритуалы. Это происходит в режиме повторов, постоянных возобновлений и глубокой работы с аутентичными текстами.

Другое наблюдение, связанное со спектаклями, которые обращаются к народной культуре локального географического пространства (часто, кстати говоря, очень маленького и вовсе не обладающего такой мощной презентативностью, как, скажем, татарская или якутская культура), заключается в счастливым обнаружении крайней актуальности этого театра.

Связь со зрительным залом в таких народных комедиях, как «Гузи да Мези» Коми-Пермяцкого драматического театра имени М. Горького из города Кудымкар, поразительно сильна: ясный и свободный в техническом отношении способ игры актёров даёт зрителю чувство личной включённости в действие, как если бы перед ним была классическая комедия дель арте. Одну из женских ролей в фольклорном сюжете о незадачливых муже и жене играет мужчина – и делает это превосходно точно, с лёгкостью фокусника меняя обличья и не скрывая своей лёгкой небритости. Картонные декорации, наивное искусство, казалось бы... А вот и нет: по факту – элегантное умение театрально распоряжаться немногими средствами.

«Колбаса. Фрагменты»

На материале уже современной пьесы «Колбаса. Фрагменты» Валерия Шергина (спектакль участвует в блоке «Здесь и сейчас» программы «Маска Плюс») перекидывает мост между разными культурами, русской, татарской и удмуртской, независимый театр из Ижевска Les Partisans, руководит которым архитектор местного радиозавода и настоящий культуртрегер Павел Зорин. «Колбаса...», речь в которой об одном годе жизни хорошей и благополучной сельской семьи, начинается с удмуртской песни, но сам спектакль идёт на русском языке, хотя автор – местный, из города Сарапул. В середине истории немолодой уже муж, который завёл интрижку на стороне, разговаривает со своей девушкой по мобильному телефону перед носом свиньи в хлеву и зачарованно повторяет за ней, девушкой, как по-удмуртски будет «я тебя люблю». Может, на самом деле люди разных языков и национальностей действительно не имеют ничего против соседства друг с другом и хтоническое чувство нелюбви к «чужому» – выдумка? Реальность подсказывает ответ «нет». Искусство иногда хочет верить в хорошее.

Пытается заглянуть в историю взаимоотношений с воинствующими соседями ханты-мансийский театр обско-угорских народов «Солнце»: в скупом на краски и выразительном в своей графике спектакле по Чингизу Айтматову «И дольше века длится день» мать ищет пропавшего сына, не теряя надежды и воли. Находит его, измученного пытка-

ми, беспомощного и беспамятного. Насильственное лишение человека памяти гарантирует ему вечное рабство – вот чего добиваются агрессоры и «большие братья» и вот о чём с невероятной болью повествует эта вещь, сыгранная с огромной внутренней силой и прямым личным включением актёра как гражданина и человека в художественную ткань.

Культура места, в котором ты родился, твой язык – это как детское счастье быть рядом с матерью неотлучно, питаться ею и чувствовать её поддержку. В течение долгих лет власть, советизируя людей, лишала их привязанности к корням, но попытка уравнивания всех со всеми в итоге не привела к лояльности, а только отняла что-то жизненно необходимое. В этнографическом музее Ижевска висит карта ареалов исчезающих языков – некоторые из них совсем умерли, некоторые на грани вымирания. И эта в общем незаметная, тихая трагедия ухода связа-

«И дольше века длится день»

«Красный угол»

на с разнообразными социо- и геополитическими обстоятельствами. Важно её осмыслить – в том числе и через искусство. Не случайно в Ижевске появились совсем молодые художники, музейщики, культуртрегеры, которые интересуются человеческой памятью. Они изучают прошлое города через свидетельства людей, организуют курсы по удмуртскому, выставляют в крошечных арт-галереях бижутерию и одежду, сделанную под видимым влиянием местной ветви финно-угорской культуры. «Большой» столичный мир это не очень привлекает – несмотря на то что именно столицы подвергаются массовому нашествию приезжих из самых разных культурных сообществ. Но и «маленький» мир уже не очень волнует то, что происходит в «большом» – мы имеем дело с установлением нового баланса, когда вопросы, уехать или не уехать из родного города, знать или не знать язык твоей бабушки, не решаются так однозначно, как было ещё недавно. Вот и некоторые современ-

ные социологи говорят о ценности и размерности человеку родного места или места, в котором он живёт. Пересекаясь с идеей географической свободы и свободы современного художника от «прописки», этот фокус на «локальности» даёт самые любопытные результаты.

Именно с идеей пересечения – тотального незнания современного человека и его пра-корней – работают создатели спектакля «Красный угол» из народного молодёжного театра «Предел» города Скопина. Артисты, певуче-пластичные и ироничные одновременно, вовлекают в свой круг зрителей – выбирают пару – девушку и парня – и устраивают им форменный допрос: а знаете ли вы, как завязывается вот эта лента? а как, по-вашему, надевать этот платок?.. Смешливые парень с девушкой, поддерживаемые собравшимися вокруг них артистами и зрителями, смущаются, завязывают ленты не так, как надо. Главное же открытие в том, что, оказывается, если повязать ленту пра-

вильно, то выглядит это очень красиво – даже поверх обычных джинсов и майки. Ведущий объясняет: так одевалась невеста в прежние времена в здешних местах, костюм её и порядок облачения чрезвычайно важны, потому что всё имело свой обусловленный природой и религией смысл. Скопинский спектакль и подобные ему (как, например, сделанный известным фольклористом и музыкантом Сергеем Старостиным в Пермской области) враз соединяют прошлое и настоящее в их самых простых, но и узловых, связанных с материальной культурой и праздником моментах. При помощи таких интерактивных, открытых способов фольклорная культура освобождается от патины неподвижно-музейного формата и будит в зрителе память о том, с чем он в действительности почти не встречается, разве что в сувенирно-матрешечном варианте.

Этническая принадлежность или желание воспользоваться ею при талантливом, умном обращении даёт театру богатые возможности, возвращая его к тем истокам, которые, как правило, не получили дальнейшего развития: ведь из древних языческих форм почти ничто не имело продолжения в светском театре. Ну, может быть, в кукольном, вертепном – и только. Но память о корнях тесно связана с темпераментом артистов, музыка национального языка существенно меняет классический текст – как в «Ромео и Джульетте» Татарского драматического театра из Альметьевска. Опытный «мейерхольдовед» и, в общем-то, экспериментатор Искандер Сакаев чувствует колебания шекспировского текста, его мелодики, объясняемые природой актёров, их пластической упругостью, острым, напряжённым внутренним ритмом, вспльчивой лирикой и лаконичностью страдания. Спектакль, формально проходящий по ведомству блока «Новые имена – малые города», демонстрирует силу этнической принадлежности актёров, использованной внутри жёсткого режиссёрского рисунка.

Единственный зарубежный спектакль в этническом разделе «Маски Плюс» представляют словаки из братиславской арт-группы Honey and Dust. Их изысканный и бруталный Home, Egos, Faith – это практически театральная анимация, в которой оживают сделанные из простых элементов и масок куклы, фактуры. На прозрачной дождевой поверхности рисуются меланхоличные «картины», живые музыканты выводят оригинальные, но полные мифологической славянской грусти мелодии, двое исполнителей – мужчина и женщина – превращаются то в птиц, то в своих неведомых прародителей, изгнанных из рая...

Словаки, удмурты, татары – языки их будто бы вопиют о своей разности, но, слушая этот дисгармоничный хор, пытаешься угадать кодовое слово, узнать знакомые сочетания букв и звуков, интуитивно двигаясь к обретению самого себя внутри хаоса.

«Ромео и Джульетта»

WITHOUT TRANSLATION

ETHNIC THEATRE AT THE MASK PLUS FESTIVAL

Kristina Matvienko. Photo by Golden Mask Theatre Festival

THE FIVE PRODUCTIONS THAT WERE PART OF THE "ETHNIC THEATRE" SERIES AT THE NONCOMPETITIVE MASK PLUS PROGRAM OF THE GOLDEN MASK FESTIVAL ARE BUT A DROP IN THE OCEAN FOR THE VAST RUSSIAN EXPANSES.

T

2006. The different paths do not cross – save perhaps for the hotspots of conflicts and sudden rage that victims of nationalism in large cities are faced with.

The laconic program put together within the framework of the Mask festival will allow for the opportunity to talk about cultural diversity, the idea of which seemed pretty much heaven-sent for the European society only a few years ago but is now being severely tested. Theatre, after all, is moving more and more toward being a place of communication, of open dialogue, rather than art exposition and entertainment. And it is ethnic theatre that affords that often rare opportunity to preserve a disappearing language, traditions, rituals. This opportunity is realized here in the form of repetitions, constant revivals and in-depth work with authentic texts.

Yet another observation with regard to productions that turn to folk culture of a local geographical space (often very small, by the way, and one that does not boast the same powerful level of presentation as, say, Tatar or Yakut culture and theatre) has to do with the happy discovery of the utmost timeliness of this theatre. The connection with the audience in folk comedies, such as “Guzi and Mezi” by the M. Gorky Komi-Perm Drama Theatre from Kudymkar, is amazingly strong: the actors’ clear and technologically free method of acting gives spectators a sense of personal involvement in the action, as though they were watching a classic commedia dell’arte. One of the female roles in the folk tale about the hapless husband and wife is performed by a man – and he plays that role with perfect precision, changing disguises with the ease of a magician and never bothering to hide his light stubble. Cardboard sets, seemingly unsophisticated art, but that’s far from the case: an elegant ability to dramatically manage the few tools at hand is plain to see. Les Partisans, an independent theatre from Izhevsk, whose artistic director Pavel Zorin is an architect of a local radio manufacturing plant and a true Kulturtrager, is throwing a bridge between different cultures, Russian, Tatar and Udmurt, on the basis of Valery Shergin’s modern play “Sausage. Fragments” (the production is

here is a lot more good, interesting, modern theatre that performs in its native language, is attentive to local context and amazingly manages to live its own unique life without crossing paths with mainstream theatre. And there are different religious denominations, cultural and ethnic groups, languages, customs and beliefs that exist in our country in much the same way, without crossing paths with one another. Curiously enough, it is this non-intersection, rather than the difficult to attain tolerance, that allows us to talk about a fragile peace between them. Such is the bitter truth, according to curator Andrei Yerofeev, who had himself experienced vehement intolerance of orthodox believers and “Orthodox Christian” nationalists, who joined them, during the scandal that broke out around the “Forbidden Art” exhibit of

taking part in the “Here and Now” series of the Mask Plus festival). “Sausage”, which is a story of one year in the life of a good, well-to-do rural family, begins with an Udmurt song, but the production itself is performed in Russian, even though the author is local, from the city of Sarapul. In the middle of the story the already middle-aged husband, who is having an affair on the side, is standing in a pigsty in front of a pig talking to his girlfriend on his cell phone and, spellbound, is repeating after her, as she teaches him how to say “I love you” in Udmurt. Perhaps it is true that people from different languages and nationalities have nothing against being each other’s neighbors and the chthonic feeling of dislike toward the “other” is nothing if not contrived? Reality suggests that the answer is “no”. Art sometimes wants to believe in the good.

“Solntse”, an Ob-Ugric peoples theatre from Khanty-Mansiysk, is trying to look into the history of interrelations with their militant neighbors: the production of Chinghiz Aitmatov’s “The Day Lasts More Than a Hundred Years”, with scanty colors and ex-

pressive graphics, shows a mother looking for her lost son, never losing hope or willpower. She finds him weak from torture, helpless and with no memory. Forcefully depriving a person of memory guarantees him eternal slavery, which is what the aggressors and “big brothers” are trying to achieve, and it is what this tale, performed with enormous inner strength and direct personal involvement in the artistic fabric on the part of an actor as a citizen and a human being, relates with incredible anguish.

The culture of the place where you were born, your language – it’s like the childhood joy of being constantly next your mother, being nourished by her and feeling her support. By forcefully depriving people of their attachment to their roots, sovietizing them and taking away everything that’s related to their roots, the authorities made them forget about all of that for many years – and, in the end, the attempt to equalize everybody with everyone did not lead to allegiance, but only deprived everyone of something vitally important. Izhevsk’s

ethnographic museum has a geographical map of disappearing languages – some of them have disappeared completely, some are on the brink, and this essentially unnoticeable quiet tragedy of departure is tied to various social and geopolitical circumstances. It is important to comprehend it, through art as well. It is no coincidence that Izhevsk now has very young artists, museum workers and Kulturtragers, specializing in human memory – they study the city’s past through people’s testimonies, organize Udmurt language courses, use tiny art galleries to exhibit fashion jewelry and clothing, made under the obvious influence of the local branch of Finno-Ugric culture. The “big” metropolitan world is not too interested in this, despite the fact that capitals are the ones subjected to mass influx of visitors from the most diverse cultural communities. Yet the “small” world no longer cares all that much about what is happening in the “big” one – we are dealing with the establishment of a new balance, where the question of “whether or not to leave” your native town, whether or not to learn the language of your grandmother is no longer decided as unequivocally as it was only recently. It is no coincidence that certain contemporary cultural experts and sociologists talk of the value and harmony of a person’s native land or the land where they live. This focus on the “local” intersects with the idea of geographical freedom and contemporary artist’s freedom from “domicile registration” and yields the most curious results.

“The Day Lasts More Than a Hundred Years”

It is this idea of intersection – complete lack of knowledge of modern man and his great-roots – that the creators of the “Red Corner” production by the Predel National Youth Theatre out of Skopin are currently working with. Actors, both melodiously flexible and ironic, drag spectators into their circle, choose a young couple – a man and a woman – and begin to downright interrogate them: do you know what this ribbon is called, how do you think this wrap is worn, and so on. The giggly young man and woman are flustered, tie the ribbons the wrong way, as the actors that gathered around them give them support. But the most important discovery, as it turns out, is that if you tie the ribbon the right way it looks very beautiful, even if you tie it over plain jeans and a t-shirt. The announcer explains that this was the way a local bride would dress in the olden days; her garments and the order of putting them on are both highly important, because everything had its own meaning, tied to nature and religion. This production out of Skopin, much as the others like it – for instance, the one created by famous folklorist and musician Sergei Starostin in the Perm Region – instantly connect the past and the present in their simplest, but also focal moments, tied to material culture and festivities. Folkloric culture, utilized in such interactive open ways, casts off the cobwebs of the immovable “museum-type” format and awakens in the audience members the memory of something they almost never encounter in real life other than as nesting doll souvenir type versions.

When used in a skillful, smart way, ethnic affiliation or the desire to use it provides theatre with very rich opportunities, bringing it back to those roots that generally represented a dead-end branch: for virtually none of the ancient language forms received any continuance in lay theatre. Except perhaps in puppet theatre, and that’s it. Yet the memory of those roots is closely tied to the actors’ temperament, the music of their ethnic language radically changes a classical text – such as, for instance, in “Romeo and Juliet” by the Almetjevsk Tatar Drama Theatre. Iskander

“Red Corner”

Sakaev, an experienced Meyerhold historian and an overall experimenter, feels the vibrations of Shakespeare’s texts, its melodic, explained by the actors’ nature, their elasticity of movement, sharp, intense internal rhythm, explosive lyrics and pithiness of suffering. The production, which officially falls under the jurisdiction of the “New Names – Small Towns” series, demonstrates the strength of the actors’ ethnic affiliation used within the director’s rigid design.

The only foreign production in the Mask Plus ethnic section was Slovakian by the Honey and Dust

Art Collective from Bratislava. Their refined and brutal production of “Home, Eros, Faith” represents virtually a theatrical animation, where puppets and structures, made from simple elements and masks, come to life, where mournful “pictures” are being drawn on a transparent rainy surface, live musicians play unique melodies full of mythological Slavic melancholy, two per-

formers – a man and a woman – are transformed first into birds and then into their unknown ancestors, banished from Eden. Slovaks, Udmurts, Tatars – their languages seem to cry out about their difference, but as you listen to this disharmonious choir, you try to guess the code word, recognize familiar combinations of letters and sounds, intuitively moving toward finding yourself within the chaos.

“Romeo and Juliet”